

А.И. Фурманов

ПАМЯТЬ

Посвящение

Пять десятилетий отделяют меня от описанных мною воспоминаний. Но для меня они никогда не станут далеким прошлым. И прежде всего потому, что мои дорогие однополчане — живые и мертвые, навсегда остались в сердце. Я в начале ВОВ вступил в ряды КПСС и свои воспоминания посвящаю коммунистам нашей 67-й гв. Витебской Краснознаменной стрелковой дивизии — тем, чья единственная и великая привилегия состояла в том, чтобы находиться там, где особенно трудно, и быть всегда впереди.

Родился я 8 августа 1918 года, в деревне Старино, Витебской области. Наша деревушка, 19 домов, находилась в глуши, кругом ее окружал дремучий лес и болота, бездорожье.

До районного центра гор. Городок было 45 километров, до ближайшей ж/д станции Клястица — 23 км., до г. Невель — 35 км.

Семья наша была большая, у Матери было 9 детей, жили в нужде и недостатках.

В 1931 году вместе с односельчанами нашей деревни были вынуждены вступить в колхоз, однако жизнь по-прежнему не стала лучше, за нуждой не ходили, своей хватало.

Вспоминаю период, когда уполномоченные представители агитировали народ нашего села вступить в колхоз. Собирали собрания деревенских мужиков, держали их сутками, требуя написать заявления в колхоз, и, наконец, жителей сагитировали, в деревне стал колхоз «Знамя труда», в которой жизнь стала не лучше, а хуже.

Помню, в 1932—1933 годах не было урожая, голод охватил нашу деревню, пришлось терпеть бесхлебицу — голодовку.

В 1934 году весной пожар уничтожил 6 домов в деревне, в том числе, сгорел и наш дом и все постройки, погорело почти все имущество, остались, в чем были одеты.

Наша жизнь стала еще хуже и сложнее. Хорошо, что соседи в деревне приютили нас, дали угол. В такой тяжелой обстановке надо было строить заново свой угол, все начинать сначала.

С молодых лет мне пришлось трудиться, пасти скот, помогать отцу пахать землю, косить и делать другие работы в хозяйстве, совмещая учебу в школе.

Я до 1934 года учился в начальной школе деревни Осмота, это три километра от нашей деревни, где я жил.

Школа находилась в частном доме. Учила нас дочь попа Екатерина Петровна. С одеждой было туго, помню, отец сплел мне лапти из лыка, мать перешила старый отцовский пиджак и сшила сумку для книг. Так и ходил я в школу за три километра от дома.

Учился я хорошо, учительница всегда ставила меня в пример другим моим одноклассникам.

Осенью 1934 года поступил в 5-й класс Холомерской н.с. школы. Ходить в школу стало еще дальше, за 6 километров.

Из-за тяжелых материальных условий пришлось бросить школу и в этом году по направлению от колхоза поступить на десятидневные курсы бухгалтеров в городе Витебск.

После окончания курсов бухгалтеров работал в своем колхозе «Знамя труда», до марта 1936 года бухгалтером.

В марте 1936 года по плановому переселению, вместе со всей семьей, переехали в бывший пограничный Ветринский район, колхоз им. Ворошилова Шпаковщинского с/с. Где работал бухгалтером в колхозе, а с сентября 1937 года секретарем Шпаковщинского с/с.

Работы в сельсовете было много, председатель с/с Гавяза И.П. все время болел. Главная, окромя сельсоветских дел, стояла очистить 1,5-километровую полосу от границы, снести все жилые дома и постройки, переселить людей, подготовить 10-метровую полосу вдоль границы. Надо было полностью снести деревни: Самулино, Лашкова, Шарипино и др. хутора, находившиеся на территории нашего сельсовета.

Этим вопросом мне пришлось и заниматься, так как из штатных работников в сельсовете были: председатель и секретарь, а председатель всю дорогу болел.

Хорошо, что при сельсовете имелся дружный актив из учителей, работников сельпо, почты, молокозавода, да и территориальная комсомольская организация. Вот и занимались мы, не зная выходов, вопросом отселения от границы людей, а все это приходилось делать со скрипом, люди не хотели уезжать из своих насиженных мест.

Приходилось по несколько раз убеждать о необходимости очистить границу.

А сколько было забот, когда наши войска в 1939 году готовились к освобождению западной Белоруссии. Нужно было организовать людей, подготовить необходимый лесоматериал для постройки переправ через границу, отремонтировать мосты, дороги, подъезды к границе.

Проживая в пограничной зоне, каждый житель чувствовали себя настороженно к каждому незнакомому человеку.

Активу сельсовета в погранзоне приходилось постоянно оказывать необходимую помощь пограничникам в охране границы, задерживать ее нарушителей.

В особенности, частое нарушение границы было 1938—39 годах. Каждый активист сельсовета по сигналу из погранзаставы знал свое место на развилке дорог, через мосты, клади через речку, а так же по дорогам и тропам на своей территории.

16 сентября 1939 года наша Советская Армия переправилась через границу и успешно продвигалась вперед, освобождая Западную Беларусь.

А я в октябре 1939 года сдал Щпаковщинский с/с Ерамею Федоровичу Телушко и был призван в ряды Советской Армии.

Из Ветрино эшелонами прибыли в город Ереван Армянской ССР, а с Еревана автомашинами до места службы, местечко Конакир.

Меня определили в полковую школу взвод связи 80-го артполка, 76-й горно-вьючной стрелковой дивизии. Пришлось привыкать к суровой армейской жизни, где каждая минута расписана и строго должна выполняться. Занятия проходили полный день, изучали технику связи телефонного аппарата «Арденаис» Унаеф-28, Унаи-31, Лампу «Люкас», радиодело, азбуку Морзе, прием на слух и передачу на ключе и т.д. После окончания полковой школы мне присвоили звание ст. Сержант, и назначили помощником командира взвода связи в управление третьего артдивизиона 80 а/п.

Через 5 месяцев в августе 1940 года нас многих младших командиров вызвали в штаб артполка и объявили, что обстановка в стране напряженная, фашисты готовятся к войне. Что в период Финской войны, весной 1940 года наш командный состав понес большие потери. Финские кукушки из укрытий на деревьях специально ставили задачу истребить командиров Советской Армии. Мы должны были поехать в военное училище, Тбилисское артучилище, на учебу, вопреки нашему желанию. Так мне снова пришлось изучать военное дело в Тбилисском горно-вьючном артучилище. Учеба для меня была трудной, пришлось упорно изучать: арифметику, алгебру, тригонометрию (синус, косинус, тангенс, котангенс), так как у артиллеристов стрельба построена на решении углов (ДК-ДБ, ПС). Нас готовили по сокращенной программе, времени было мало. Фашистская Германия захватила Польшу и ряд Европейских стран и приближалась к нашей границе.

И 22 июня 1941 года, вероломно напала на нашу страну. Нас курсантов срочно из училища направили в воинские части, на должности командиров взводов. Командование объявило нам, что на всех оформлен материал для присвоения воинского звания мл. лейтенант. Так я обратно попал в свой 80 а/п командиром взвода связи и управления 5-го артдивизиона.

Узнав о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну, наша 76-я горно-вьючная стрелковая дивизия, срочно вооружившись, была выведена к иранской границе, в районе Джульф Нахичванской АССР.

25 июня 1941 года наш 80-й артполк форсировал реку Аракс, погрузил орудия, боеприпасы, другую боевую технику на вьюки, на

мулах мы должны были форсировать горный перевал высотой 2800 метров и обратно, всю боевую технику из вьюков на колеса и прибыть в Иранский гор. Тибриз.

Солдат Иранской армии убеждали, что советская армия плохо вооружена. Их танки фанерные. Когда переходили границу, солдаты иранской армии открыли артиллерийский и пулеметный огонь по нашим танкам и убедились, что их снаряды не могли подбить наш ни один танк. Значит броня на танках прочна, и больше их солдаты в бой с нами не увязывались, расходились кто куда.

Так вошли мы в иранский город Тибриз, это второй по величине город Ирана. Мер города со своей свитой встречал нас с хлебом и солью.

Разместились мы в Иранских казармах, а через два дня по приказу командования 76-я С. Д, в боевых порядках, двинулись дальше для соединения с Английскими войсками, находившимися в Ираке и Иране. Почему наши войска были вынуждены пойти в Иран?

В 1941 году Гитлеровская армия оккупировала Францию, вела бои с Английской армией, чтобы лишить английскую армию иракской и иранской нефти. Германия пыталась высадить десант в Иран и лишить Англию нефти, и, находясь с нами в состоянии войны, захватить Бакинскую нефть, лишить Советские войска Бакинской нефти.

В этот период в Иране было очень... дневная температура достигала 35—40 градусов. Мы такую жару не могли переносить. Сильные головные боли, солдаты начали болеть, отдельные даже умирать. Прикаспийская низменность — засилье малярийных комаров, их укус возбуждал малярию. Я тоже перенес эту болезнь, через день сильная температура — до 41 градусов, слабость. Так я мучился до июля 1942 года, много поел акрихина и хины, но малярию не вылечил.

Непрерывные бои, отступление, все эти трудности пришлось перенести, хорошо, что у нас были лошади, 2хколка на которой мы возили имущество связи, она меня спасала при отступлении, если б этой повозки не было, мог бы попасть в немецкий плен, да и мои солдаты старались спасти меня в период болезни малярией.

Находясь в Иране, я уже писал, что наши солдаты тяжело переносили жару, было много случаев смертельного исхода.

Командование срочно перебросило войска из средней Азии Кушки, где войска закалились такой жарой.

Мы были заменены и 12 июля 1941 года эшелонам из г. Тибриза через: Нахичевань, Еревань, Ленинокан, Баку, Махач-Кала, Грозный, Армавир, Ростов-на-Дону, Макеевка, Горловка, ст. Лозовая южнее города Полтавы, на небольшом полустанке эшелоны разгрузились, и в боевом порядке совершили 30 км марш к г. Полтава.

Па пути встречались наши отступающие солдаты. Линии фронта сплошной не было и встреча с противником произошла внезапно. Направленный вперед конный боевой разъезд, который обязан предупредить нашу колонну о месте противника, немцы окружили и пленили его. Фашист встретил нашу колонну внезапным шквальным огнем из всех видов оружия. Пришлось под огнем противника быстро занимать боевой порядок и отбиваться от противника. Так 20 июня 1941 года мы получили боевое крещение, вступили в бой южнее города Полтава, которую немецкие солдаты непрерывно подвергали обстрелу.

Немецкие войска пытались с флангов окружить наши войска, а затем уничтожить, нам приходилось в окружении отбивать их атаки и прорываться из кольца. Отступая в направлении на гор. Харьков, наша 76-й С. Д. завязала бой за г. Харьков, но успеха не имела, немецкие танки и авиация со всех сторон пытались окружить нашу дивизию. С боями мы отступили в г. Валчанск, Шибекино до реки Северный Донец, по реке заняли оборону, нас пополнили людьми, техникой, боеприпасами. Вели тяжелые бои по р. Северный Донец. Вблизи г. Шибекино, находясь в обороне, наш 3 артдивизион решил сделать наблюдательный пункт в трубе сахарного завода, мне было приказано обеспечить телефонную связь и дежурство телефонистов в трубе. Разведчики и телефонисты дежурство на н.п. несли круглосуточно, следили за обороной противника. Наверное, противник обнаружил нас и прямой наводкой открыл сильный артогонь, прямой наводкой несколько снарядов попало в трубу. С прекращением огня, я и разведчик Зорькин слезли с трубы вниз. Были измазаны в саже, нас было невозможно знать.

В ноябре 1941 года фашистские войска рвались к Москве, перед нами была поставлена задача активизировать бои и отвлечь часть сил противника на себя. Командующий Юго-Западным фронтом был Тимошенко, член военного совета Хрущев. Наша 76 С.Д. предприняла ряд наступательных операций. В боях за деревню Огурцово завязался сильный бой. Мне, как командиру взвода управления, было поручено вместе с разведчиком и радистом выдвинуться на нейтральную полосу на одну высотку и

корректировать огонь по противнику, уничтожать его огневые точки, так как из основного НП. плохо просматривался передний край противника.

В этой операции я был легко ранен в голову, но задача была выполнена, дер. Огурцово наша пехота взяла. Я был награжден медалью «За отвагу». Это моя первая боевая награда.

С поражением фашистских войск под Москвой, командование Ю.З.Ф. Тимошенко и Хрущев на митинге в г. Шибекино заявили, что мы отступать больше не будем, начнем освобождать от врага свою землю.

Наша 76-й С. Д с другими частями прорвав оборону противника с боями дошли до окраин г. Харьков. В это время со стороны г. Касторной — танки. Целая немецкая танковая армия Клейста, отрезала, а затем взяла в мешок наступающие наши части, и пришлось с тяжелыми боями прерывать кольцо окружения, и возвращаться на прежние места обороны, с потерей людей и техники.

В мае 1942 года мы сдали г. Красногжск, Кортояк, Лиски и под огнем врага форсировали до р. Дон. Наш 80 артполк потерял почти все орудия, так как лошади были все уничтожены, а боевое знамя артполка сохранили. Гавбичный артполк сохрани почти все гаубицы, но боевое Знамя артполка было потеряно, его расформировали. Наш 80-й артполк пополнился техникой и людьми и был направлен в район Сталинграда в ЗОУСД, где в последствии был создан Донской фронт.

Наша задача заключалась в том, чтобы как можно больше отвлечь немецкие войска, наступившие на Сталинград. Захватить и расширить плацдарм на правом берегу р. Дон.

С августа до 19 ноября 1942 года наш артдивизион 15 раз занимал плацдарм в районе Клетская и Серафимовичи, но немцы танками и самолетами нас вынуждали под сильным огнем отступить.

Только в октябре, в районе Клетская нам удалось захватить и расширить его до 3 км в глубину и удерживать до нашего наступления 19 ноября.

19 ноября 1942 года, после полуторачасовой артподготовки из всех видов артиллерии и минометов наша стрелковая дивизия, успешно прорвав оборону противника, вместе с танками продвигалась вперед, уже на второй день в районе г.Калач немецкая группировка под Сталинградом была окружена. Противник пытался прорвать кольцо окружения наших войск, но воины упорно отбивали его атаккой, нанося ему большие потери в живой силе

и технике. Гитлер решил спасти свои войска, попавшие в окружение под Сталинградом. Он приказал командующему танковой армией Клейсту спасти окруженную армию Паулюса. Но армия Клейста продвинулась на 10—15 км и была разбита нашими войсками (посмотрите картину Горячий снег). Большие трудности наши войска испытывали под Сталинградом. Немцы использовали наш укрепрайон по р. Дон против Сталинграда (подготовленная нашим народом линия обороны в полный профиль, землянки, ходы сообщения и т.д.)

Мы находились под открытым небом, ночью мороз, днем снег тает, слякоть, обувь, фуфайки намокают. Леса нет, землянку не построишь, и топить нечем. Еще в обороне приспособлялись в земле киркой пробивать замерзшую землю, а потом землю выбрасывали и мерзлая земля 10—15 см. служила укрытием, сверху дыру закрывали плащ-палаткой, можно по человек 5—6 отдыхать, но обратно опасно было, когда немецкая артиллерия начинала обстрел, землянка засыпала людей, и многие оказывались в завалах.

В период наступления линия фронта менялась и солдатам, да и все войскам, негде было обогреться и хоть поспать пару часов в сутки. Начали многие прямо на снегу замерзать. Был приказ из снега делать затишек в 3 яруса ложились воины, сверху закрывались накидками или брезентами и часовой через 2 часа давал команду нижним войскам в середину, чтобы обогреться.

Питались мерзлым хлебом, термосов не было, в ведрах пока доведут суп или кашу до переправы, все замерзнет, вот такая закалка была под Сталинградом. Но наши войска с тяжелыми боями сжимали кольцо окружения противника.

Наша 304-я С. Д. 21 ноября 1942 года освободила хутор Орехов, 22 ноября Вартячий, 24 ноября Верне-Голубую) вышла в междуречье р. Дон. В начале января 7 тысяч орудий обрушили 50 минутный огонь по врагу, наш 3-й артдивизион вместе с пехотой наступали на д. Мариновку, Рассошку, штурмом овладели Ново-Александровкой, здесь был аэродром противника, захватили 200 самолетов, 300 автомашин, 23 танка, много имущества и боеприпасов.

Немецкая окруженная группировка была рассечена на южную и северную. Южная группировка сложила оружие и была пленена, северная во главе Павлюса 2 февраля 1943 года была вынуждена сложить оружие и сдаться в плен.

В боях по окружению и уничтожению сталинградской группировки противника, наша 304-я с.д. была переименована в 67-ю гв.

С. Д., наш 80-й артполк — в 138-й гв. А. П., наша 21-я армия — в 6-ю гвардейскую армию.

Приказом главнокомандующего Сталина 19 ноября стал днем артиллерии так как под Сталинградом наша артиллерия стала называется «Богом войны», а пехота «Царицей полей».

В начале ВОВ фашистская Германия, прибрав всю экономику Европейских стран капиталистического мира, имела большое преимущество в танках и самолетах против СССР. Немецкая авиация господствовала в воздухе, бомбила селы и города, их Мессеры гонялись и обстреливали войска, гонялись за каждым человеком. За период войны я раз пять попадал под пулеметный огонь их самолетов, правда, оставался невредимым, но пули рядом ложились возле меня. В первый период войны, противник имел успех, и нам пришлось отходить вглубь страны, покидая города и селы.

Наша артиллерия не уступала противнику, но у нас не хватало снарядов и патронов, их пехота была вооружена автоматами, а наша — винтовками образца 1901 года, со штыком и то на всех не хватало.

Что касается связи, мы имели на вооружении телефонные аппараты «Орденанс» еще с Гражданской войны, УНАЭФ 28, УНАИ 31, Лампа Люкас, все телефонные аппараты вмонтировались в деревянные коробки, намокали под дождем и получались замыкания, батареи к ним, в основном, были водоналивные, в мороз замерзали, связисты были вынуждены держать их в запазаве или в кармане, чтобы не замерзли. Телефонный кабель в льняной оплетке, плохо просмолен эзокоратом пропускал влагу и получалось замыкание. Из-за нехватки кабеля линия наводилась одним проводом, другим была земля, чтобы противнику было легко подслушивать наш разговор. Радиостанции Р-13, на вооружении наших войск были громоздкие, не хватало питания, противник их легко пелинговал, и точно на это место обрушивал артогнем. Командиры их использовать их отказывались. Включали их в период отхода противника, когда наши войска наступали.

За Сталинградскую битву и разгром фашистов многие воины были награждены орденами и медалями. Я бы награжден орденом «Красной Звезды» и медалью «За Оборону Сталинграда».

В период разгрома немцев под Сталинградом наши войска захватили много трофеев, в том числе и мы, связисты, запаслись немецкими телефонными аппаратами и радиостанциями, более на-

дежными, телефонным кабелем в прочной оплетке покрытия, и в дальнейшем, при наступлении старались использовать трофейный кабель и аппараты.

10 марта 1943 года эшелонами наша с.д. прибыла в район ст. Елец. Из Ельца своим ходом прибыли и заняли оборону в районе Томаровка Белгородской области. Вели бой местного значения. По приказу командования надо было всю боевую технику и людей замаскировать от противника. Отрыть в полный профиль окопы, ходы сообщения. И так, наша активная оборона все время совершенствовалась и длилась до 4 июля 1943 года.

Линии обороны были отрыты в полный рост и на 5 запасных, вглубь нашей обороны. Если под Сталинградом наши Катюши внезапно появлялись на переднем крае, делали залпы по врагу и срочно уезжали в тыл, то сейчас Катюши, тщательно замаскированные, находились на переднем крае. Находясь в первом эшелоне обороны, наша 67-я гв. С. Д., бдительно следила за передним краем противника. И 3 июля на переднем крае, находясь в боевом отражении, бойцы 199-й гв. С. П. захватили в плен немецкого сапера, который вел разминирования своей обороны. При допросе сапер пояснил, что им и всем, всем солдатам выдан сухой поек и 4 июля в 4:30 немцы начнут наступление и по приказу немецкие войска № 7 должны захватить гор. Курск, окружить наши войска, уничтожить и пойти на Москву.

Ровно в 4:00 до намеченного немцам наступления, наша артиллерия нанесла укрепительный удар по немецкой обороне, в д. Бутово, 30-минутный из всех видов артиллерии и минометов.

Противник в намеченное время не стал наступать, видимо наша артиллерия расстроила его планы, и только в 6:30 4 июля 1943 года сотни немецких самолетов начали бомбить наш передний край. Затем лавина танков появилась на переднем крае, под прикрытием их пехоты начали штурмовать наш передний край.

Наша артиллерия и Катюши отбили несколько атак, бойцы боевого хранения стойко держали оборону. Так 4 июля противник, неся большие потери, не смог прорвать нашу оборону. И только 5 июля на наш участок д. Бутово фашисты бросили более 100 тигров и пантер, им удалось сбить наше боевое хранение и вклиниться в оборону нашей дивизии.

Наша пехота находилась в окопах, пропуская танки через окопы, отсекала огнем немецкую пехоту от танков, а на второй линии обороны немецкие танки уничтожила наша артиллерия.

Наш 199 гв. С.П., который поддерживал наш 3-й артдивизион, упорно отбивал 4 атаки немецких танков. На второй день немцы после бомбежки и обстрела бросили на нашем участке 200 танков, огнем артиллерии нашего артдивизиона было подбито более 30 танков, несмотря на большие потери, фашистам удалось ворваться в наши окопы, но гвардейцы, неся потери, стойко удерживали оборону. Фашисты, видя, что в районе д. Бутово они успеха не добились, на третий день нанесли главный удар на д. Черкасское, по нашему соседу слева 71-й гв. С.Д., там их тоже встретили гвардейцы дружным огнем. На четвертый день противник на участке обороны 196 гв. С.П. бросил до 400 танков, в упорной борьбе ему удалось окружить 196 гв. полк, который поддерживал 138 гв. арtpолк. Командиры расчетов сержант Думчев и Тогузов подбили 16 тигров. На вторую батарею ворвались танки противника, артиллеристы подбили 12 танков, но силы были неравные, все расчеты погибли, но не ушли с поля боя. Командир 2-й батареи капитан Васильев Г.М., тоже погиб вместе с расчетами. Только 3 человека из батареи были тяжело ранены и после боя подобраны. В записке командира 2-й батареи Васильева Г.М., которую нашли в кармане, было написано: «Я хорошо знаю, что на жизнь почти не остается шансов, жаль, конечно, но страха нет. Клянусь буду биться с врагом до последней капли крови и не сделаю шага назад». На страницах газеты 67-й гв. С.Д. «Боевой натиск», сообщалось, что капитану Васильеву и командиру Тогузову, было посмертно присвоено звание «Героя Советского Союза».

С 8 по 11 июля 1943 года наш 138 гв. арtpолк, в составе 67 гв. С.Д. вел тяжелые, оборонительные бои с танками и пехотой противника в районе Новосельская, Ново-Черкасское, 14 июля противник на нашем участке обороны прекратив наступление, главный удар наносит в районе ст. Прохоровка (смотрите кинофильм «Огненная Дуга»).

17 июля 1943 года, наша 67 гв. С.Д. начала наступление, но вынуждена была отступить. Наступая по местности сильных боев, было жутко смотреть. Земля была изрыта воронками, сотни танков и другой боевой техники валялись разбитыми, трупы воинов противника и наши везде разложились, никто их не убирал. Запах, гарь, место боев заволкло облаками. Продвигаясь с боями вперед, освободили ГП. Томаровку, откуда немцы начали наступление.

3 августа с боями освободили г. Богодухов, Ахтырку, вышли к гор. Полтава. На одной из ж/д станций освободили целый эшелон советских людей, подготовленных к отправке в Германию, но от-

ступая немцы не успели это эшелон отправить. Сколько было слез и радости у этих молодых людей, которых пытались увести на каторгу в Германию. В середине августа 1943 года наша 68 гв. армия была выведена из боя, пополнилась техникой, боеприпасами и личным составом. По железной дороге, совершили мы марш к гор. Торонец и были переданы в распоряжение 2-го прибалтийского фронта.

Битва на курской дуге была самой тяжелой, где в бой была утянута новейшая, того времени, боевая техника, и на узком участке фронта разворачивались смертельные бои. Гитлер и его командования решили сделать реванш за гибель их под Сталинградом. К лету 1943 года, имея на вооружении танки «Тигры и Пантеры», новые листовки, в своих листовках грозились нам отомстить за Сталинград, устроить на Курской дуге кольцо уничтожительное, и пойти после Курска обратно на Москву. К лету 1943 года наша Сов. Армия получила новейшие самолеты ИЛы (штурмовые), немцы их называли «Черной Смертью» их реактивные снаряды наводили смерть немецкой технике и живой силе. Наши истребители и бомбардировщики в воздухе не уступали немецким и завоевали воздушное преимущество. Наши Т-34 были обеспечены бронепрожигающими снарядами и могли успешно вести бой, и, притом более маневренные, пехота вооружена автоматами.

Если в начале ВОВ фашисты имели большое преимущество в технике, то в последствии они его лишились.

В листовках фашисты пугали нас Тиграми и Пантерами.

1. Наши Т-34 к этому времени получила бронепрожигающие снаряды, был удлинен ствол и успешно вел бой с тиграми, прямой наводкой.

2. Наши самолеты ИЛ, наводили смерть на фашистов.

3. Катюши — имели большое превосходство, против «Ванюш», немецкие Ванюши имели 6 мин., по типу нашего нагана.

4. У нас были и Андрюшки, это болванка-мина, 96—120 кг веса, ее воронка 10—12 метров, ширина — 15. Разрыв этого снаряда поражала все живое в радиусе 50—60 метров. Не даром его немец называл «Русь хатами бросается», эти снаряды были в ящиках и когда ящики отсыреют, снаряд вместе с ящиком летит к цели кувырком, создавая жуткий вой.

Дальность его действия 5—6 км в глубину.

5. На самолетах ИЛ, в крыльях, устанавливались 16 реактивных снарядов, по скоплению танков или живой силы. Уничтожалось все живое.

Разгром фашистов на Курской дуге еще более вдохновлял наших воинов, тогда как поражение фашистской армии, еще более лишала их и их союзников, начали на войну смотреть по-другому. Распался их Союз в борьбе против СССР.

За активные боевые действия на Курской дуге, и разгром немцев, наш 138-я гв. артполк, стал краснознаменным артполком, многие воины полка были отмечены наградами. Я был награжден орденом «Отечественной войны II степени».

На новом месте наш 138-й гв. краснознаменный артполк в составе 67-й гв. С.Д. принимал участие в освобождении гор. Великие Луки, Невель, Новосокольники и дальше вдоль ж/дороги на Полоцк. Освободили ст. Клястица, Дретунь, дошли до г. Полота. Наступление было приостановлено, так как узким фронтом вклинились глубоко вперед, тылы отстали (Бутыка называли, куда мы залезли), угрожала нанести по нам удар с флангов противником

В районе г. Новосокольники шли тяжелые бои, фашисты из тяжелых орудий обстреливали нашу позицию. Находясь на командном пункте, немецкий снаряд угадил в наш наблюдательный пункт. Меня и двух телефонистов засыпало землей, когда нас откапали, мы были контужены, нас отвезли в дивизионный госпиталь, только через 15 дней, после лечения, мы возвратились в свою часть для дальнейшей службы, которая держала оборону и вела бои местного значения, в районе г. Невель до февраля 1944 года.

В конце декабря 1943 г. командование предоставив мне 4-хдневный отпуск, чтобы проведать своих родных сестер, где я родился и прожил свои юношеские годы до 1936 года.

Из города Невля через Езерища попутными машинами я доехал до Холомелья. Затем пешком добрался до д. Моисеева, разыскал сестру Евгению Ивановну, которая жила в полуземлянке с двумя детьми. Она мне сказала, что здесь в деревне живет вторая сестра Фрося с детьми. Раньше они жили в д. Родовки. Я разыскал их землянку, зашел, а там полно воды, сестра, ее дети и сватья ели живые лежат на нарах, больные и голодные. Я вылил из землянки воду, с собою брал поек, буханку хлеба, консервы, покормил их. А у них ни денег, ни хлеба, хоть умирай. Посмотрел я, решил возвращаться в свою часть, с книжки снять деньги, и срочно выслать их Фросе, чтобы спасти детей. Тогда буханка хлеба стоила — 100 руб., но в деревне кое-где можно было купить только муку. Выслал, я не помню, тысяч 46. Этим я спас их от голодовки и от голодной смерти.

В свою д. Старино я не пошел, фашисты полностью ее сожгли, жители разбежались кто куда, к знакомым и родичам. Так она и сейчас заросла буяном и лесом.

В начале февраля 1944 года наша 68-я гв. армия была передана Первому Прибалтийскому фронту под командованием Баграмяна.

По приказу командиров надо было скрытно в ночное время прибыть к новому месту, в район предполагаемого будущего наступления, к местечку Сиротино.

Проезжая по территории Белоруссии мы видели горе и муки людей. В этой зоне треугольника: Витебск, Полоцк, Невель фашисты применили 5 операций против партизан. Уничтожили все селы, из животных было все уничтожено, люди жили в землянках, голодные, оборванные. Насмотревшись на все это, солдаты и офицеры поклялись еще сильнее бить фашистов, быстрее освободить наш народ от немецкого ига.

23 июня 1944 года, наша артиллерия 1-го Прибалтийского фронта возвестила о начале наступления по освобождению Белоруссии. Более часа шквал артогня обрушился на передний край, огневые точки противника. Затем наши танки и пехота, успешно провали оборону противника, вышли к местечку Шумилино, перерезали ж/дорогу, по которой немцы были связаны с Полоцком. Немцы упорно дрались, чтобы удержать этот рубеж, так как им угрожало, полное окружение витебской группировки. На второй день нашего наступления 196-й гв. С.П., при поддержке нашего арtdивизиона прорвались в тыл немецких войск. Дружной, внезапной атакой ворвались в его оборону, противник вынужден был отступить. После освобождения м. Шумилино батальон пехоты был посажен на автомашины, и наш 3-й дивизион по приказу командира дивизии должен был за ночь, не увязываясь в бой, проселочными дорогами совершить бросок в 32 км. в район м. Бешенковичи, форсировать реку Зап. Двина и удерживать плацдарм на Левом берегу реки до прихода основных сил.

Совершив маршбросок к Двине, на рассвете наша пехота и мы, связисты, радисты и разведчики, на плотках и подручных средствах форсировали р. Зап.Двина, под сильным огнем противника, восстановили связь с огневыми позициями арtdивизиона, открыли артогонь по огневым точкам немцев, давая возможность нашей пехоте расширить плацдарм и удерживать, отбили у противника дер. Царьковщина, к вечеру противник подтянул новые силы и танки, и беспрерывно пытался атаковать наши войска, и выбросить на об-

ратный берег. Но все его атаки были отбиты. С прибытием основных наших сил была восстановлена переправа, саперы навели через реку понтоны и наша 67-я гв. С.Д. пошла в прорыв, противник был отброшен. 25 июня 1944 года наша дивизия соединилась с нашими войсками, наступающими с юга Витебска, 39-й армией. Витебская группировка была окружена полностью (7 дивизий), 25 и 26 июня, противник предпринял ряд атак, чтобы вырваться из окружения, но его атаки были отбиты и 26 июня 1944 года его войска сдались. Витебск был освобожден. Нашей 67-й гв. с.д. и 71-й было присвоено звание «Витебской дивизии».

Во время прорыва обороны Сиротино и взятий плацдарма на Западной Двине наш арtdивизион уничтожил: 23 танка, 45 автомашин, более 600 солдат и офицеров противника. За форсирование Западной Двины, наш командир 3-го арtdивизиона Лебеденко и командир 138-й гв. А. П. Кофтуков были удостоены звания «Герой Советского Союза», я награжден орденом «Отечественной войны II степени».

После освобождения г. Витебска, наш 138-й гв. А. П. вместе с пехотой освободили Бочейково, Углу, Ушачи, Ветрино и были направлены в район г. Полоцка.

Немцы г. Полоцк упорно защищали. Гитлер приказал Полоцк защищать любой ценой, так как с потерей его открываются ворота в Прибалтику и Восточную Пруссию. Из города Даугавпилса было перебросено в город 2 стр. дивизии немцев, в городе Полоцк противник имел около 7 дивизий. Наша 67 гв. с.д., занимала участок южнее Экимании, 2 июля, овладев Троицкой, Экиманией, прорвались к реке Зап. Двина, где сейчас Курган Славы. Трое суток за город шел жестокий бой. Воины 51-й гв. С. Д., нашей армии, через взорванный ж/д мост. Форма моста, которая находилась в реке, внезапно провалилась на другой берег, к городу Деревянный. Мост немцы заминировали, младшему лейтенанту Григорьеву с группой саперов было приказано разминировать мост и пробраться на другой берег. Наша артиллерия вела непрерывный огонь по аэродрому противника, уничтожая его огневые точки и живую силу. 4 июля 1944 года, наши части ворвались в город, и к исходу дня полностью освободили. После освобождения Полоцка, наш арtdивизион, вместе с пехотой, продвигался параллельно р. Западная Двина, освободили г. Диску, Миоры, Брославль, Даугавпилс, так с боями мы вступили в Прибалтику. Хочется несколько слов сказать о встрече с родными.

После освобождения Полоцка, продвигаясь к бывшей Польской границе, в районе Полюдович, д. Рубанова была переправа, через р. Двина, которую в свое время, немцы и партизаны использовали для переправы. Здесь наш артдивизион остановился, чтобы дождаться своей пехоты и двинуться дальше.

Я обратился к своему командиру с просьбой навестить родных. Командир выделил машину полуторку, в которой ехали Комсорг полка, зам командира дивизии, я и мой ординарец. Находясь в кабине, я смотрю, что в д. Нача-Люткевича, где жили родные, осталась целая одна хатенка, возле которой стояла толпа людей.

Зам. командира приказал мне сидеть, и только он будет вести разговоры. Подъехали к стоявшим, он спрашивает, здесь ли живет Фурманов И.Е. Я вижу знакомых мне людей и моя сестренка стоит. Ему отвечают, что Фурманов живет в землянке, возле Липы, а вот его дочь Тоня, вас доведет. Тоня становится на крыло машины, подъехали к землянке, командир говорит мне: «Вы вместе с комсоргом сидите в кабине», а сам пошел в землянку. Разговаривая с моими родными, спросил, где его сыны, отец отвечает, что один из них в армии с 1939 года, как началась война, связь прервана, но идет разговор, что его в живых нет, а второй, Петро, в партизанах. После беседы сказал: «Идите встречать своего сына Сашку». Мы с комсоргом выходим из машины, уже начало темнеть, смотрю, мать растерялась, нас, видимо не признала. Я с ними встретился, какая была радость — их и моя. Произошла нежданная встреча. Вот такая была встреча с родными. Родные жили в землянке, но не голодали, была корова, сеяли рожь. Отец зарубил 2 кур, быстро поджарили, из-под койки достал бутыл, в ней был самогон, выпили, вот такая была встреча. Я остался ночевать у родных, а на завтра пришел за мной мой ординатор, сообщил, что часть уходит дальше, и мы прибыли, подошла пехота и двинулись дальше, вперед, на запад.

Я уже писал, что освободили Диску, Миоры, Брославль, завязали бой за Даугавпилс. Фашисты после упорных боев, ночью ушли из города. Далее с боями освободили Понимунис, Биржай, форсировали реку Мемеле, освободили м. Добеле, Жагаре, Елгаву.

Участвовали в бое за город Клайпеду, Кенигсберг. В Курляндии были прижаты и блокированы 32 немецкими дивизиями. Наша 6 гв. армия принимала активное участие по ликвидации этой группировки. Задача стояла не дать прорваться к ним по суше через В. Пруссию в Германию. Наша 67 гв. С.Д. вела упорные бои по уничтожению их техники и живой силы. Местность здесь была

пересеченная, много болот, лесов, применение наших танков в боях такая местность, затрудняла. Когда фашисты отступали, с ними была вся сволочь, старосты, полицаи и другие, боясь, что придется отвечать перед народом. Они, получив оружие, вместе с немцами держали оборону, вели бои против советской армии. На 3 мая 1945 года готовилось наступление против немецкой группировки в Курляндии. Но в час до нашего наступления фашисты по всему фронту подняли белые флаги и начали сдаваться, бросая военную технику и оружие. Часть бывших холоуёв фашизма были нашими войсками арестованы, а часть, боясь, что они предавали народ, просачивались болотами, лесом уходили и после создавали банды и вели бои против нашего строя.

Вскоре после окончания войны наша 67-я гв. С. Д., была перебросена в казармы г. Лиопия (Любава) и там мы стояли до расформирования. Мне предложили должность в части нач. ПФС, но я решил демобилизоваться. Так мы все офицеры 138-й гв. А. П. до августа 1946 года находились в резерве, и 20 августа я демобилизовался из Советской армии.

При освобождении Северной-Буковины г. Черновцы нашими войсками, мой родной дядя переехал из Белоруссии жить в г. Черновцы, и все время мне писал, как демобилизуешься, чтобы приехал жить в Черновцы. Хвалил — хороший город и народ. После демобилизации из армии, я вместе с женой поехал к нему в г. Черновцы. Да не подумал, что на Украине и Северной-Буковине в 1946 году засуха все сожгла. Делали попытку устроиться на работу, но к этому времени к нам в город понаехали из России много людей, демобилизованных офицеров. Устроиться на работу было трудно. Из Черновиц обратно возвратились в свою Белоруссию, г. Барановичи, здесь в МВД работал мой брат Петро. Марусю отправил домой в Начу, а сам решил поискать работу. Начальник МВД полковник Горячев мне предложил работу Оперуполномоченным ОБХС и обещал комнату. Я поехал в Минск, в министерство для оформления, возвратился в Барановичи, комнату, которую он мне обещал, он отдал другому. Так я заявил ему, что работу принимать не буду, пожурил его за несерьезность и пошел по городу, решил искать другую работу. Зашел в контору Министерства трудовых резервов, мне предложили работу военруком в Слоним, Новогрудок, Волковск.

Я оформился военруком и поехал в Новогрудок, в ремесленное училище. Проработал 2 месяца, начальник училища пригласил меня и сказал, что к нему приехал племянник, и предложил перевести

меня в Лидское железнодорожное училище военруком, а племянника устроить к себе. Я согласился и прибыл в город Лида в ЖУ № 6.

С декабря 1946 года по 3 февраля 1948 года, работал военруком училища, одновременно был избран секретарем парторганизации училища, а с февраля 1948 г. инструктором орготдела Лидского ГК КПБ, до августа 1950 г. С августа 1950 года решением Гродненского ОК КПБ был утвержден и работал заведующим орготдела Лидского райкома КПБ, до октября 1951 года.

Работая в городе Лида нас, коммунистов, часто посылали на село по заготовкам зерна и других платежей, коллективизации сельского хозяйства, но крестьяне в колхоз не хотели, пока не прижали их большим налогом, чтобы рассчитаться с государством надо было продать все свое хозяйство, и в 1948 году они были вынуждены создать колхозы. Лошадей и инвентарь не обобщили общим, на бумаге колхоз, а жили, как и раньше. Руководство республики приняло меры, послали в деревню большую группу уполномоченных. Я тоже был послан с группой в Круповский с/с. Свезили лошадей, а банда подпаливала сараи, лошади горели. Бандиты убивали уполномоченных, я тоже попал в их лапы.

В октябре 1951 года по приказу Министра обороны меня призвали в кадры Советской Армии на должность политработника и направили в Московский район ПВО страны г. Москвы политработником в зенитную артиллерию. Зенитные батареи находились на постоянной боевой готовности. Наша батарея стояла в районе Химкинского водохранилища. Личный состав располагался в полуземлянках. В 1952 году, я был послан в г. Пренай Литовской ССР на 6-месячные курсы усовершенствования политсостава. Успешно окончил курс науки и был из зенитной батареи переведен в город Дмитров во вторую линию обороны, находившуюся в 15 км от города, в лесу, в ракетные войска Земля—воздух, заместителем командира по политчасти, станции наведения ракет. Личный состав этой станции составляли 94 офицера (техники), 6 сержантов и 12 солдат. Стояли мы возле д. Митино, в лесу, в финских домиках, всей семьей: сын Дмитрий и дочь Люда, до марта 1958 года.

Ракетчики, офицеры и солдаты жили рядом, возле станции наведения ракет, постоянная боевая готовность, в увольнение не пускали, офицеры проявляли недовольствия, месяцами никуда не отлучаться. Сидели и пели «Мы не сеем и не пашем, не валяем дура-

ка, целый день антенной машем, разгоняем облака». Каждый год ездили в Копяр на боевые учения и стрельбу. Стрельба велась по мишеням или по беспилотным целям. С применением активных и пассивных помех фольги или установленные на самолете машины с различными частотами. Городок, где жили семьи, был расположен вокруг болот, от комаров не было спасения. Дослужился я до майора и дальше в штабе ПВО страны, мне предложили демобилизоваться из армии. Хрущев Никита решил сократить армию.

Так мы всей семьей обратно приехали в город Лида, остановились в квартире, где я жил раньше, до призыва в армию. Гродненским обкомом КПБ я был утвержден заведующим орготделом Лидского КПБ.

Перед демобилизацией из рядов Советской Армии мне насчитали службу в армии 23 года. Дали пенсию 30% от оклада 220 рублей, что составляло 66 рублей в месяц, тогда платили только за должность, за звания и выслугу лет не платили.

Пришлось снова начинать жить сначала. За период службы в армии, частные квартиры, переезды из одного места на другое, вся жизнь прошла на чемоданах. Руководство горкома в скором представила мне квартиру, стали помаленьку приобретать обстановку, начиная от койки и стола до гардероба. Дети пошли в школу, в свободное время занимались огородами, начали годовать кабанчика, кроликов, кур — жизнь пошла более интересной. Хотя работы в горкоме партии было много. Руководить орготделом не так просто, это штаб горкома, орготдела разрабатывал план работы горкома, обеспечивал явку на бюро, пленумы и совещания, готовил конференцию. Все партийные комсомольские и профсоюзные организации были в его ведении. Нужно было присутствовать на их собраниях. Помогать секретарям во всех делах, подбирать в период отчетов и выборов.

В особенность, когда в 1958 году горком и райком объединили. В орготделе было 8 инструкторов, которые были закреплены за колхозными парторганизациями. Это по 5 колхозов на одного инструктора орготдела. И за работу каждой организации несли ответственность и с них спрашивали. Инструкторы почти все время находились в колхозах, а с орготдела спрос не уменьшился, ежедневные звонки с области, требовали различные сведения. Подготовка вопросов на бюро, приема в партию, персональные дела на коммунистов. Все организационные вопросы надо было решать отделу. Если с 1951 года банды Дуриса — польского капитана, Букат-

ко, бывшего председателя Круповского с/с, который сжег сельсовет и сам ушел в банду, и Азема — польского осадчика, действовали активно, были вооружены автоматами, польское население их поддерживало. То уже в 1958 году, когда я приехал в Лиду, везде колхозы стали укрепляться, все банды ушли в подполье, и, когда в беседе с жителями деревень, стаешь говорить, пошел бы он жить обратно единолично, то большинство говорили, что когда он жил единолично, от зари до зари работал в поту, иногда до нового урожая терпел бесхлебицу, в колхозе рабочий день в основном 8 часов, имея сад и приличный огород, где из колхоза что-то получишь, жить легче, чем единоличными бытом. Техника обрабатывает землю, убирает урожай и т.д.

Работая в горкоме зав. Орготделом, ко мне начали предъявлять требование, чтобы имел высшее образование. А я, начиная с армейской жизни, еще когда попал в Тбилисской артучилище, пришлось изучать с азов математику, алгебру, геометрию и тригонометрию, так как без этой науки задачу артподготовки не решишь. Затем, после окончания войны, с 1945 г. окончил ряд курсов. В 1947 году, университет марксизма-ленинизма, 1948 году 6-месячные курсы, а 1949 году 9-месячные курсы переподготовки кадров партработников при Гродненском ОК КПБ. Поступил и закончил 2-й курс в Лидском педучилище. В 1951 году вторично был призван в кадры Советской Армии, в 1952 году успешно окончил 6-месячные курсы переподготовки политработников Советской Армии в городе Преннай Литовской ССР. И все считался недоучкой без образования, осенью 1958 года поступил с.ш. № 2 города Лида, в 9-й класс вечерней школы. В 1959 году, окончил 10 классов и получил аттестат зрелости. И поступил заочно в высшую партийную школу при ЦК КПСС, которую окончил в 1964 году. Получил диплом высшего образования. Наконец, я не имел упрека, что недоучка, хотя от этого ума прибавилось мало.

А сколько это стоило трудов: надо было учебу совмещать с работой, я не имел ни выходных, ни свободной минуты, да еще в горкоме было полно дел и днем и вечером. Даже едешь по путевке на курорт, берешь с собой учебники и в свободное время после процедур грызешь науку до посинения. Испытав большие трудности в получении образования, я подумал, что при любых обстоятельствах жизни, трудностях, надо своим детям дать путевку в жизнь, чтобы они не мучались, как я, а получили необходимое образование и не обижались на родных за их воспитание.

Сын Дмитрий после окончания 10 классов, поступил в минский БГУ на математический факультет, окончил 1-й курс, познакомился с девчонкой, решил жениться, сколько мы его не отговаривали, не послушал — женился. И учеба шла у него туго. Я узнал, что он может быть исключен за неуспеваемость, поехал и просил проректора. Оставили его и он, видимо, понял, что надо по-настоящему заняться учебой. А это для меня стоило нервовотрепки.

Сын успешно окончил БГУ, получил диплом и учителем математики устроился в городе Лида. Дочка Людмила поступила на заочное отделение в Минский Политехнический Институт. Дочь работала на Лидском ЛКЗ, договорились перевести ее на стационар дневного отделения с получением стипендии от завода ЛКЗ. С окончанием института ее направили работать на завод обратно. Я имел упрёки, что она не осталась работать в городе Минск. Вот так мы и начали жить в нашем родном городе Лиде.

В одно время сын начал поговаривать о приобретении автотранспорта, а денег у нас почти нет. Через определенное время собрали мы 5 тысяч, сват добавил остальные — приобрели Жигули. А сколько мороки было вступить в кооператив для автогаражан. Два года РСУ его строила и бросила, своими силами надо было доводить его до конца, а затем задумали взять дачный участок, тоже проблемы с материалами. С горем пополам построили маленькую дачу. Стройку вели своими силами в выходные дни.

Вот так помаленьку обзаводились полезными делами, на 6 сотках выращивали овощи, там же на речке Дитва в свободное время отдыхали, не далеко был лес, в котором много грибов.

Зарплата работникам горкома партии по отношению, по отношению с зарплатой в промышленных предприятиях была в то время значительно ниже. Директор завода получил 250—300 рублей, начальник цеха — 180—200 рублей, мастер — 150—180 рублей в месяц, + 35% прогрессивки при выполнении заводом плана, а также в конце года 13-я зарплата. Первый секретарь горкома партии — 200 рублей, 2-й секретарь — 170, 3-й секретарь — 150 рублей, зав. отделом горкома — 110 рублей, инструктор — 85 рублей в месяц. И только. Когда работник уходил в отпуск. Ему была положена путевка на курорт, по справке врача, за которую он платил 30% ее стоимости, и лечебное пособие — ежемесячная оплата. К 1968 году я проработал в Горкоме партии более 15 лет, в 1968 году Обком партии утвердил на Лидском лакокрасочном заводе, освобожденного секретаря парткома. Мне раньше предлагали должность секретаря

райкома партии в Вороновском или Новогрудском райкомах партии, но я отказался, из Лиды не хотелось уезжать.

В 1968 году была пущена 2-я очередь завода и мне предложили эту должность. Решением Гродненского ОК КПБ я был учрежден освобожденным секретарем парткома лакокрасочного завода. С апреля 1969 по ноябрь 1972 года я работал на этой должности. После празднования Октябрьского праздника главный инженер завода организовал сварочные работы в нитроцехе. В результате плохого инструктажа и безответственности сварщиков, цех загорелся, сгорело все оборудование. А главное 4 работника цеха, решением бюро Гродненского ОК КПБ были сняты с работы и отданы под суд: главный инженер Анисимов, электросварщики, допустившие пожар. Директор завода Бакуменко и я были освобождены от занимаемой должности за бесконтрольность и слабую работу по воспитанию коллектива.

С 20 ноября 1972 по 24 января 1979 года я работал начальником отдела кадров Лидского Авторемонтного завода до ухода на пенсию. Пенсия мне дали персональную местного значения 110 рублей в месяц, поэтому пришлось работать воспитателем в общежитии в стройтресте, в Лидском ПМК-57 техником ЖКО. В августе 1982 года произвели обмен квартиры и переехали на постоянное место жительства в город Новополоцк.

В Новополоцке работал в объединении «Полимир» во вневедомственной охране до июля 1990 года, исполнял и общественную работу секретаря парторганизации охраны, председателя ДСААФ п/о «Полимир». С июля 1990 года не работаю — пенсионер.

Так в городе Лида мы прожили более 36 лет имели много добрых друзей, с которыми в свободное от работы время и выходные, выезжали на лоно природы, занимались рыбалкой, варили уху, в лесах собирали ягоды и грибы. Я считал, что до конца своей жизни останусь жителем города Лиды, но жизнь внесла свою коррективу, оказалось по-другому: узнав, что житель из города Новополоцка, хочет сделать обмен квартиры и переехать в город Лида, поближе к своим родичам, мои одночатцы начали меня агитировать поехать разыскать этого жителя в городе Новополоцке и договориться об обмене квартирами. Так был решен вопрос положительно, и в августе 1982 года мы переехали из города Лиды в Новополоцк, тем более, что здесь рядом живут наши родичи.

В Новополоцке народ тоже добрый и мы быстро прижились, устроились на работу, заимели новых знакомых, до и родичей

здесь своих много. Так постепенно обжились и здесь. Когда теща умерла, купили ее усадьбу в деревне Лужайка, которая нам очень пригодилась. Теперь, когда руководство нашей Белоруссии начало дурацкую перестройку, ведут борьбу за портфели, а народ забыли, усадьба нам помогает выращивать картофель, ягоды. Связь с городом Лида мы держим и интересуемся ее жизнью, так как в Лиде живут сын, невестка, внуки и другие родичи. В 1995 году в честь 50-летия победы над фашистской Германией, на Кургане Славы в городе Лиды должны наши потомки вскрыть нишу, сравнить какие изменения произошли в городе за 50 лет, и заложить в нишу новое завещание потомкам. Если я доживу, обязательно постараюсь приехать на это торжество, так как я принимал активное участие в насыпи Кургана Славы.

Все что я вспомнил и кратко описал, прожитый свой жизненный путь, видимо, надо сделать вывод, что он был нелегким, поколению моих лет не пришлось спокойно жить, трудиться, получить образование — жизнь была напряженная. Враги нашей Родины не давали народу жить мирно, нарушали нашу границу, развязывали малые войны на Дальнем Востоке, в Финляндии. Фашистская Германия вела себя агрессивно, готовилась к развязке войны с СССР. Все это делало жизнь нервной и напряженной. Наверное, каждого человека прожитая жизнь не бывает легкой, прямой без забот, в жизни всегда много ушибов, зигзагов и неудач. В особенности в период ВОВ, участником которой не один раз приходилось встречаться со смертью. Но, слава Богу, она от меня уходила бочком и пришлось отделаться только контузиями и легкими ранениями.

А сколько за период войны на фронте я похоронил своих боевых воинов-однополчан, много их война сделала калеками-инвалидами. Так что жизнь прожить — не поле перейти, или по-другому: «Жизнь — как дорога, ее не пройдешь затылком вперед». А после окончания войны, города и села лежали в руинах, надо было восстанавливать народное хозяйство, обратно трудности.

Война нас сделала грубыми, нервными и неуравновешенными. Ведь у нас фактически не было молодости, она сгорела до тла в пламени минувшей войны.

Более половины своей жизни мне пришлось учиться, и только после 1964 года с получением диплома за высшее образование я уже не считался недоучкой. Хотя ума много не прибавилось, стало несколько легче. Но уже приближался пенсионный возраст. Вот так

и прожил жизнь — ничего доброго, кроме забот и недостатков в ней, я не видел.

В октябре 1995 года, исполняется 50 лет нашей совместной жизни с Марией Петровной, это значит, мы доживем до «золотой свадьбы». За 50 лет совместно прожитой жизни были у нас и успехи, но больше недостатков. Положительно то, что мы вырастили, воспитали и дали путевку в жизнь сыну и дочке, чем могли помогали в их молодой жизни. А в основном, наша жизнь проходила в недостатках, хотя хуже других мы не жили, перебиваясь с куляка в рогожку.

Моя ненормированная работа в партийных органах, частые собрания, совещания, заседания, различные выезды и командировки на село и в область, да и учеба не способствовала нормальным семейным отношениям, приводила к различным упрекам, обидам, спорам и другим ненормальным явлениям в жизни. Вторичный призыв в армию, чемоданная жизнь, переезды с место на место и обратное увольнение в гражданку, а также материальные условия — работал я один, зарплата 110 рублей на четырех человек. Жена занималась воспитанием детей, и только 1962 года стала работать портнихой в Горбаткомбинате. Надо было детей учить, одевать, так как сын готовился поступать в ВУЗ, дочка требовала современной одежды, чтобы не отстать от молодежи. Все это не способствовало нормальной жизни. А сейчас мы уже стали старички, мне уже около 80 лет, Мария Петровна 70 лет. Я стал беззубый, глухой, частые головные боли, ноги плохо слушают, сводит их судорога. Приходится в помощь брать палочку.

А как трудно быть глухим. Тебе говорят, а ты как лунь, никакой реакции, да еще упрекают, что я придуриваюсь, что здоров, как конь. Я бы и врагу не желал такого издевательства, как это могут отдельные.

Тот, кто прошел эту войну, находясь 4 года в окопах, беспрерывных боях — он уже ненормальный. А отдельные понимают это по-другому и заявляют, кто воевал с фашизмом, тот погиб и парит над землей. Выходит, что я не воевал, потому что остался живой? А кто же тогда брал Берлин или заставил фашистов сложить оружие? Выходит так, как говорят поляки: «Войска Польска Берлин брала, а Русска войска чуть помогала».

Наверное, не стоит и думать о золотой свадьбе, да и жизнь сейчас трудная дурацкая, неизвестно в какое болото нас она приведет.
